

ФЕРНАНДО
АРАМБУРУ

Родина

роман

Перевод с испанского
Натальи Богомоловой

издательство **АСТ**

Москва

1. Каблуки стучат по паркету

Ох, бедняжка, расшибет она себе лоб. Как волна расшибается об утесы. Немного пены — и поминай как звали. Неужто сама не видит, что этот тип даже дверь перед ней открыть ни разу не догадался? Нет, совсем околдовал ее или еще чего похуже.

Это ведь надо — каблуки вон какие высоченные, и помада на губах ярче не бывает, а ведь ей уже сорок пять. И все ради чего? При твоих, дочка, достоинствах, при твоей должности, при таком образовании... А ведешь себя как сопливая девчонка. Глянул бы на тебя сейчас *aita*¹...

Подойдя к машине, Неряя подняла глаза на окно, из которого мать наверняка наблюдала за ней. Так оно и было, и, хотя Неряя не могла различить ее с улицы, Биттори с горечью, нахмурившись, провожала дочь взглядом и шепотом разговаривала сама с собой: бедная моя девочка, прилипла к этому павлину, а он ведь никогда ни о ком, кроме себя, не думает и ни одну женщину не способен сделать счастливой. Не дано ему это. Нет, вы мне скажите, до какого отчаяния должна дойти жена, чтобы после двенадцати лет семейной жизни из кожи вон лезть, стараясь соблазнить собственного мужа? И если уж говорить начистоту, то только радоваться надо, что нет у них детей.

Неряя, прежде чем сесть в такси, небрежно взмахнула рукой, прощаясь с матерью. После чего Биттори, стояв-

1 Отец (*баск.*).

шая у окна в своей квартире на четвертом этаже, перевела взгляд туда, где за крышами домов виднелись широкая полоса моря, маяк на острове Санта-Клара, а еще — легкие облака вдали. Женщина из передачи про погоду пообещала на сегодня солнце. И Биттори — ох, что-то я становлюсь совсем старой — снова посмотрела на улицу, но такси уже пропало из виду.

Тогда Биттори попыталась разглядеть за крышами домов, и за островом, и за синей линией горизонта, и за грядой далеких облаков, и где-то еще дальше, в потерянном навсегда прошлом, картины свадьбы своей дочери. Она снова увидела ее в соборе Доброго Пастыря в белом платье с букетом в руке — слишком уж счастливую. Мать смотрела на изящную, красивую, улыбающуюся Нерею, и у нее появились дурные предчувствия. Вечером, уже дома, Биттори хотела было сесть перед портретом Чато и поделиться с ним своими страхами, но у нее болела голова, а кроме того, Чато все семейные дела, особенно если дело касалось дочери, принимал слишком близко к сердцу. Запросто мог и слезу пустить. Да, конечно, фотографии не плачут, но ведь понятно же, что я имею в виду.

Туфли на высоких каблуках Нерея выбрала, чтобы пробудить у Кике аппетит, но не тот, само собой, который можно утолить хорошим обедом. Цок-цок-цок — простучала она по паркету всего несколько минут назад. Надо еще проверить, как бы дырок мне в полу не наделала. Но я ни слова ей не сказала — ради общего спокойствия. Они ведь ненадолго ко мне заехали. Только проститься. А от него — это в девять-то утра! — уже пахло виски или еще чем-то крепким, наверное, каким-то из тех напитков, которыми он торгует.

— *Мама!*, ты уверена, что справишься тут одна?

— А почему бы вам не доехать до аэропорта на автобусе? Такси отсюда до Бильбао небось кучу денег будет стоить.

Он:

— Ну, уж об этом ты можешь не беспокоиться.

1 Мать, мама (*баск.*).

Потом стал объяснять про чемоданы, суету, лишнее время в пути.

— Да, но ведь времени у вас более чем достаточно, насколько я понимаю?

— *Ата*, давай оставим этот разговор. Мы решили ехать на такси — и точка. Так удобнее.

Кике начал раздражаться:

— Да, нам удобно именно так.

Потом сказал, что пойдет на улицу покурить — а вы тут пока поговорите. От него разило одеколоном. А изо рта разило спиртным, хотя сейчас всего девять утра. Он попрощался, любясь на свою физиономию в зеркале, висевшем в прихожей. Хлыщ, другого слова не подберешь — хлыщ и есть. А потом он по-хозяйски — вежливо, но сухо? — бросил Нерее с порога:

— Только про время не забывай.

Пять минут, пообещала та. Но эти пять минут, естественно, растянулись до пятнадцати. Когда они остались вдвоем, Нерее сказала матери, что эта их поездка в Лондон очень много для нее значит.

— Да? Что-то мне плохо верится, что тебе отведена какая-то роль в переговорах, которые будет вести твой муж со своими клиентами. Или ты забыла мне сообщить, что теперь работаешь на его фирме?

— В Лондоне я сделаю все, чтобы спасти наш брак.

— В который раз?

— В последний.

— И что ты удумала теперь? Станешь ходить за ним по пятам, чтобы не изменил тебе с первой же подвернувшейся бабой?

— *Ата*, ради бога. Мне и так нелегко.

— Ты прекрасно выглядишь. Парикмахерскую сменила?

— Да нет, хожу все туда же.

Нерее вдруг понизила голос. Услышав ее шепот, мать бросила взгляд на входную дверь, словно боясь, что за ней их подслушивает кто-то посторонний. Ничего особенного не произошло, просто мы с Кике отказались от мысли усыновить младенца. А сколько было разговоров! Кого взять — китайца,

русского или мулатика? Девочку или мальчика? Неряя и сейчас была бы не прочь, но Кике дал задний ход. Хочет собственного ребенка, плоть от плоти его.

Биттори:

— И про Библию сразу вспомнил?

— Понимаешь, сам Кике считает себя очень продвинутым, но на самом деле он мыслит прежними категориями и не может ни на шаг отступить от традиций. Это, ну, как рис с молоком...

Неряя сама и в подробностях все разузнала про усыновление — они с мужем любым формальным условиям отвечали. И с деньгами никаких проблем. Она готова была ехать хоть на край света, лишь бы наконец почувствовать себя матерью, даже если ребенок будет рожден не ею. Но Кике больше говорить на эту тему не желает. Нет — и все тут.

— Черствый он какой-то, тебе не кажется?

— Ну хочется ему своего мальчишечку, чтобы был на него похож, чтобы играл когда-нибудь потом в “Реале”. Это у него стало просто навязчивой идеей. И он у него будет. Уф, уж если он что вбил себе в голову, не отступится! От кого, не знаю. Кто-нибудь изъявит готовность. Но меня лучше ни о чем не спрашивай. Откуда мне знать кто. Наймет чужую утробу и заплатит сколько положено. А я? Я помогу ему подобрать здоровую женщину, и его прихоть будет исполнена.

— Ты что, совсем спятила?

— Но ему-то я, разумеется, пока этого не сказала. Надеюсь, в ближайшие дни в Лондоне как раз и подвернется удобный случай. Я все хорошо обдумала. Нет у меня никакого права делать его несчастным.

Уже стоя у двери, они слегка потерлись щеками. Биттори: ну что ж, поступай как знаешь, счастливого пути. Неряя с лестничной площадки, где она ждала лифт, сказала что-то про несчастную судьбу и про то, что нельзя лишать себя радостей. А напоследок велела матери сменить коврик у двери.

2. Славный месяц октябрь

Пока все это не случилось с Чато, она верила в Бога, а сейчас не верит. И ведь какой набожной была в юности. Даже в монастырь собиралась уйти. Вместе со своей подружкой из их же поселка, о которой теперь лучше не вспоминать. Но обе пошли на попятный в самый последний момент, когда дело было уже считай что решено. Нынче все эти разглагольствования про воскрешение из мертвых, и про вечную жизнь, и про Создателя, и про Дух Святой, кажутся ей чистыми выдумками.

Ее сильно рассердило кое-что из сказанного епископом¹, его лицемерие. Не подать руки такому важному сеньору она, конечно, не отважилась. Но его рука показалась ей какой-то липкой. Зато она посмотрела ему прямо в лицо, чтобы сказать все, что нужно, без слов, чтобы он прочитал в ее глазах, что верить в Бога она перестала. Стоило ей увидеть Чато в гробу, и вся ее вера лопнула как мыльный пузырь. Она даже физически это почувствовала.

¹ Имеется в виду епископ Сан-Себастьяна Хосе Мария Сетьен (1928–2018), который не просто занимал неоднозначную позицию по отношению к деятельности баскских сепаратистов, но и откровенно выражал свою поддержку боевикам ЭТА. Неоднократно высказывался самым пренебрежительным образом о жертвах террора. В 2000 г. под давлением Ватикана был вынужден уйти в отставку “по состоянию здоровья”. В 2007 г. выпустил книгу “Баскский епископ и ЭТА”, где террористы представлены в роли революционеров. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

И тем не менее к мессе она иногда ходит, но скорее лишь по привычке. Садится на скамейку где-нибудь поближе к выходу, смотрит на спины и затылки прихожан и ведет беседу сама с собой. Дома ей очень одиноко. К тому же Биттори не из тех, кто проводит время в барах или кофейнях. Магазины? Покупает она только самое необходимое. А еще у нее пропала всякая охота хоть немного принарядиться — еще один мыльный пузырь? — пропала сразу после смерти Чато. И если бы не приставания Нерей, изо дня в день носила бы одно и то же.

Вместо того чтобы бегать по магазинам, она предпочитает сидеть в церкви и молча укрепляться в своем неверии. Однако никаких богохульств или презрения к собравшимся здесь людям она себе никогда не позволит. Биттори рассматривает росписи на стенах и говорит/думает: нет. Иногда говорит/думает об этом, чуть покачивая головой и словно подчеркивая таким образом свой протест.

Если идет служба, она остается в церкви подольше. И своим беззвучным “нет” отзывается на все, что произносит священник. Помолимся. Нет. Тело Христово. Нет. И далее в таком же духе. Иногда, утомившись, позволяет себе и вздремнуть, но так, чтобы никто этого не заметил.

Когда Биттори вышла из иезуитской церкви на улице Андиа, уже стемнело. Четверг. Тепло. После обеда она видела, что термометр у аптеки показывал двадцать градусов. Машины, пешеходы, голуби. Вдруг попало знакомое лицо. Ни минуты не раздумывая, она свернула в сторону. Из-за резкой смены маршрута скоро оказалась у площади Гипускоа и пересекла ее по дорожке вдоль пруда. Понаблюдала за утками. Очень давно она была здесь в последний раз. Если память ей не изменяет, еще когда Нерей была маленькой. Вспомнила черных лебедей, которых сейчас видно не было. Дин-дон, дин-дон. Бой часов на здании городского совета вывел ее из задумчивости.

Восемь. Хорошее время, славный месяц октябрь. Вдруг ей вспомнились слова, сказанные утром Нереей. Про то, что нужно сменить коврик у двери? Нет, другое. Что нельзя лишать себя радостей. Обычная чушь, которую говорят старикам, когда

хотят их подбодрить. Ведь Биттори охотно признавала, например, что вечер нынче чудесный. Но чтобы запрыгать от счастья, ей понадобилась бы причина поосновательней. Какая? Ох, да кто ж ее знает. Вот если бы изобрели машину, способную воскрешать умерших, и вернули мне моего мужа... И она тотчас переключилась на другой вопрос: сколько уж лет прошло, не пора ли начать забывать? Забывать? А что это такое?

Воздух насыщен запахом водорослей и моря. Совсем не холодно, нет ветра, небо чистое. Значит, сказала она себе, можно вернуться домой пешком и сэкономить на автобусе. На улице Урбета она услышала свое имя. Услышала отчетливо, но ей не хотелось оборачиваться. Мало того, она даже ускорила шаг, хотя и это не помогло. Ее догоняли чьи-то быстрые шаги.

— Биттори, Биттори!

Голос прозвучал прямо у нее за спиной, так что нельзя было и дальше притворяться, будто не слышишь его.

— Ты уже знаешь? Они говорят, что больше этого не будет, то есть терактов больше не будет.

Биттори не могла не вспомнить времена, когда та же соседка старалась не встречаться с ней на лестнице или мокла под дождем на углу улицы, поставив сумку с покупками на асфальт, лишь бы не входить вместе в подъезд.

Она солгала:

— Да, мне только что сообщили.

— Вот ведь какая хорошая новость, правда? Наконец-то и у нас наступит мир. Давно пора.

— Ну, это мы еще посмотрим, посмотрим.

— Я ведь в первую очередь за вас радуюсь, за тех, кто по-настоящему пострадал. Дай-то бог, чтобы все это прекратилось и вас оставили в покое.

— Прекратилось что?

— Теперь они перестанут приносить людям горе, пусть добиваются своего, никого не убивая.

А так как Биттори молчала и не выказывала ни малейшего желания продолжать разговор, соседка попрощалась с ней, словно вдруг вспомнив о срочном деле:

— Ну, я пошла, а то обещала сыну приготовить на ужин барбульку. Очень уж он ее любит, барбульку. Если ты домой, пошли вместе.

— Нет, у меня тут неподалеку встреча.

И, чтобы избавиться от ненужной компании, Биттори перешла улицу и какое-то время без определенной цели бродила поблизости. Потому что эта сплетница сейчас будет чистить рыбу для своего сыночка, который всегда казался мне глуповатым или даже совсем безмозглым, и, если услышит, что я возвращаюсь домой следом за ней, подумает: ах, вот оно как, выходит, нарочно не захотела возвращаться вместе со мной. Биттори! Что? Ты начинаешь злобствовать, а я тебе много раз говорил, что... Ладно, оставь меня в покое.

Позднее, уже двигаясь к дому, она приложила ладонь к шершавому стволу дерева и беззвучно произнесла: спасибо тебе за твою доброту. Потом приложила ладонь к стене какого-то дома и повторила фразу. Затем проговорила то же самое, по очереди касаясь урны, скамейки, светофорного столба и других уличных предметов, которые попадались ей по пути.

В подъезде было темно. Биттори хотела было воспользоваться лифтом. Нет уж. Шум может выдать меня. И она решила подняться на четвертый этаж пешком, да еще сняв туфли. У нее еще хватило времени, чтобы прошептать последнее благодарение — перилам — и тоже за их доброту. Потом со всеми возможными предосторожностями вставила ключ в замочную скважину. И что плохого нашла Нереея в ее коврике? Нет, не понимаю я это существо и, пожалуй, никогда не понимала.

Не успела Биттори войти, как зазвонил телефон. Кошка Уголек, свернувшись черным клубком, дремала на диване. Не меняя позы и лишь чуть приоткрыв глаза, она следила за тем, как хозяйка спешит к аппарату. Биттори подождала, пока звонки смолкнут, проверила номер на экране и тотчас набрала его.

Шавьер пребывал в страшном возбуждении. *Ama, ama!* Включи скорей телевизор.

— Мне уже сообщили.

— Кто сообщил?

— Соседка сверху.

— А я думал, ты еще не знаешь.

Он сказал, что целует ее, она ответила тем же, и на этом их разговор закончился — попрощались, и точка. Про себя она решила: не буду я включать никакой телевизор. Но очень быстро верх одержало любопытство. На экране Биттори увидела троих типов в беретах и с закрытыми лицами, они сидели за столом, и вся сцена была выдержана в стиле ку-клукс-клана. Белая скатерть, патриотические плакаты, один микрофон на всех. Биттори подумала: интересно, а мать того, который сейчас говорит, узнала его по голосу? Она чувствовала глубокое отвращение к тому, что ей показывали, мало того, все это ее просто бесило. Долго она не выдержала и телевизор все-таки выключила.

День для нее закончился. Который был час? Ближе к десяти. Она поменяла воду кошке и легла в постель — раньше обычного, не поужинав, не открыв журнала, который ждал на ночном столике. Уже надев ночную рубашку, остановилась перед фотографией Чато, висевшей на стене в спальне, чтобы сказать ему, что:

— Завтра приду и обо всем тебе расскажу. Вряд ли ты сильно обрадуешься, но, в конце концов, новость важная, и ты имеешь право ее узнать.

Погасив свет, Биттори попыталась заставить свои глаза пролить хотя бы одну слезинку. Бесполезно. Сухие. И Неря не позвонила. Не потрудила хотя бы сообщить матери, что долетела до Лондона. Где уж там, она ведь сильно занята — старается спасти свой брак.